

Каратели

Из собрания сочинений

Партизаны. Война под крышами
Партизаны. Сыновья уходят в бой
Каратели
Хатынская повесть
Последняя пастораль

Алесь Адамовіч
Из собрания сочинений

КАРАТЕЛИ

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
А28

Адамович, А.

А28 Каратели / А. Адамович. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 440 с.

ISBN 978-5-521-74277-6

Повесть Алеся Адамовича «Каратели» написана на документальном материале. «Каратели» — художественно-публицистическое повествование о звериной сущности философии фашизма. В центре событий — кровавые действия батальона гитлеровского карателя Дерливангера на территории временно оккупированной Белоруссии в период Великой Отечественной войны. Повесть основана на документальном материале и входит в список обязательной литературы Министерства Образования Российской Федерации.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
BIC FC
BISAC FIC000000

© T8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2018
© Текст. А.М. Адамович, наследники, 2018

ISBN 978-5-521-74277-6

Гипербореи, гиперборейцы — в древнегреческой мифологии — обитатели Крайнего Севера (куда не долетает холодный ветер Борей, на границе нашего мира с миром антиподов), а по представлению некоторых античных авторов — это народ, живший в середине первого тысячелетия до н. э. на Востоке, в Азии.

«Обратимся к себе. Мы — гипербореи, мы достаточно хорошо знаем, как далеко в стороне мы живем от других. «Ни землей, ни водой ты не найдешь путь к гиперборейам», — так понимал нас еще Пиндар. По ту сторону севера, льда, смерти — наша жизнь, наше счастье. Мы открыли счастье, мы знаем путь, мы нашли выход из целых тысячелетий лабиринта... Нет ничего более нездорового среди нашей нездоровой современности, как христианское сострадание. Здесь быть врачом, здесь быть неумолимым, здесь действовать ножом — это надлежит нам, это наш род любви к человеку, с которым живем мы — философы, мы — гипербореи...

В единичных случаях на различных территориях земного шара и среди различных культур удастся проявление того, что фактически представляет собой высший тип, что по отношению к целому человечеству представляет род сверхчеловека. Такие счастливые случайности всегда бывали и всегда могут быть возможны. И при благоприятных обстоятельствах такими удачными могут быть целые поколения, племена, народы».

Фридрих Ницше

«Если можно признать, что что бы то ни было важ-

нее чувства человеколюбия, хоть на один час и хоть в каком-нибудь одном, исключительном случае, то нет преступления, которое нельзя было бы совершить над людьми, не считая себя виноватым...»

Лев Толстой.

ЧЕМ ВЫШЕ ОБЕЗЬЯНА ВЗБИРАЕТСЯ ПО ДЕРЕВУ...

Анна Шикльгрубер, служанка, незамужняя, родила Алоиса, которого усыновил человек без определенных занятий Джон Георг Гидлер: Алоис Гидлер и Клара родили Адольфа... Адольф Шикльгрубер-Гитлер родился в австрийском городе Браунау 20 апреля 1889 года.

Особые приметы: хорошая память, плохие зубы.

... Он плакал во сне, проснулся от одиночества, тоски. Открыл глаза и вспомнил, что заболел: перед тем как заболеть, всегда плачет во сне. В большой, отделанной деревом и задрапированной теплыми коврами бетонной спальне он был один. Никого не хотелось видеть. А его ждут: там уже собрались, с 16.30 его ждут начальники штабов — сухопутных войск, военно-воздушных, морских. И «человек № 2», «человек № 3», «№ 4», «№ 5» — все, сколько их есть пронумерованных, себя пронумеровавших. Смотрят на разложенную на столе карту, развязно болтают, обсуждают положение на юге, осторожно посматривают на единственный стул и стараются угадать Его сегодняшние мысли, решения.

Думать о себе, как о Нем, видеть себя, как Его, давно стало привычкой Адольфа Шикльгрубера-Гитлера. На Него и сам уже может смотреть со стороны, но не снизу вверх, как другие обязаны, а скорее — как очень заботливый, хотя и бесцеремонный денщик. Которому все кажется, что хозяин без него не то и не так сделает и тем повредит своей репутации. «Ну, что у Тебя рука эта все дрожит, попридержи правой, если дрожит!.. Ну, что Ты так засмушался, уставился в свою бумагу?! Может, еще очки достанешь, на нос посадишь — при всех?!

Крикни! Громко выкрикни — неважно что! — и пойдет. Сразу узнают Тебя, обрадуются...»

До трех утра не спал, выслушивал вечерние донесения офицеров-оперативников: о неожиданно широких действиях русских на Харьковском направлении. Неужели догадываются, что не Москва, а юг главное направление?.. Хотят опередить, ослабить Твой удар. Поздно! Такого, упреждающего, боялся — кошмары мучили! — в тридцать девятом, сороковом. Вдруг вырвутся на европейские бетонные дороги! Пока их обратно загнали бы, все израсходовали бы: накопленные боеприпасы, бензин, время. Главное — время! И при этом не давать им чему-то научиться, воевать научиться: разгрызать по одному, главное, по одному! Те самые генералы, которые дрожали перед азиатскими просторами и хитростью Сталина, потом, друг друга толкая, спешили сообщить, как все удачно и по плану идет. И даже лучше, чем планировалось. Никто не мог рассчитывать на внезапность тактическую. Стратегиче-

скую — понятно, этого добиться некоторым удавалось, если какое-то государство взялось раньше и действует энергичнее. Но чтобы сегодняшний противник ничего не замечал до последнего дня, когда современная военная машина такая громоздкая, звучная!..

Или они действительно не верили, не хотели верить собственным глазам и ушам? Почти две тысячи самолетов удалось сжечь на земле. Радиоперехваты совершенно немыслимые: «На нас напали немцы! Бомбят, обстреливают, танки движутся!» — «Да вы что там, белены объелись? Не отвечать на провокации!»

Вот уж действительно: если Провидение решило погубить, оно прежде всего ослепит. Зато, если изберет кого, не пожалеет знаков. Их было столько все эти годы, знаков — и на востоке, и на западе...

Но вот этот сон, и снова слезы, давние, детские слезы — уводящие далеко назад, где не было Фюрера, а если бы и был, никто этого не знал. И знать не хотели! Не было Фюрера, но были тоже планы и мечты — всегда о великом. Художника Гитлера мечты, который всем им докажет, заставит приползти к ноге — всех, кто знать не хотел его... Который стоял у изголовья умирающей и уже знал, что умирает Мать Избранного. Под призранием «доктора для бедных», еврея Эдуарда Блоха, умирала Мать Фюрера!.. Интересно, сберег доктор Блох картину, подаренную ему после похорон? Теперь эта акварель — его талисман! Сколько раз ни настигала бы германская армия еврея Блоха, Эдуарда Блоха из австрийского города Линца, куда бы ни переезжал он — будет, как было в 1938-м. Далекая и вседержущая

рука откроет ему дверь в соседнюю страну. И снова в соседнюю. Пока существуют соседние страны.

Возможно, Эдуард Блох и будет последний еврей в Европе, потом в Америке, потом в Азии, в Австралии...

Ни к чему теперь болезнь, а Ты обязательно разболеешься — нашел время! Возьми, возьми в руки себя. Нужна ясная голова — это наступление должно все выправить. Зима показала: положиться не на кого. И больше всего злит, когда начинают бормотать, будто Ты не говорил им, не было этого, не предупреждал, не указывал заранее! Пусть, пусть снова сидит Людвиг Кригер и все записывает, чтобы не могли отпереться, когда История будет подводить итоги. Можно подумать, что Ты не вбивал всем в башку, не повторял сто раз: не Москва, не Москва, не Москва! Главная цель — юг, промышленность и нефть юга!.. Так нет же, каждому хотелось обскакать Наполеона. А что бензина осталось на один месяц — это не их, не генеральская забота. Затащили армии в снега, на погибель!.. А потом готовы были бежать, как тот самый корсиканец, до Березины и дальше. И побежали бы, если бы не взял армию в собственные руки и не превратил русские «котлы» в немецкие крепости. Сколько ни смещай этих Беков, этих Браухичей — все они одной кости, и для них ты «гефрайтер», даже не унтер-офицерский чин. Как бы громко, каким бы сладким хором не повторяли: «мой фюрер!» Вот отдал бы я тогда армию капитану Рему, он бы вас всех подравнял, подстриг под СА! А может, зря, зря не отдал?! Ха, вон как удивились и скрыть не смогли удивления, обиды, что «гефрай-

тер» отшвырнул их бездарную директиву и написал свою — о наступлении на Кавказ, на Сталинград. Как же, их наукам не учился — списывать у Клаузевица, Мольтке, Шлиффена, — а лезет в их святая святых! И никак не привыкнут, что нет больше военного министерства и генерального штаба. Вот где было бы не продохнуть от генеральской спеси! Никак не усвоят, что главный фактор — то, что генерирует гений фюрера, а не их штабные линейки. Я и сам не могу объяснить, как это исходит из меня, но разве мало доказательств! Она в учебники войдет, директива № 41 — решающая директива о решающей битве! Пока Сталин дожидался нового наступления на Москву (далась она им всем, и моим тоже!), я перережу России жилы. Сначала на юге. Потом Мурманскую дорогу. Москва и повиснет — в пустоте. Пыль и кровавое месиво! Не нужна мне Москва. Как и Петербург не нужен. Пусть содрогнется мир: я с корнем вырву два ноющих зуба Европы. В Гималаях эхо отзовется. Впереди — Иран, Ирак, Египет, Индия... И Тибет! Наконец-то никто не будет стоять между мной и Ними!..

Холодная, скользко-вогнутая, замкнутая Вселенная, а в ней солнечно освещенная ниша. Как стеклянная мухоловка. Стенка из синего бесконечного льда. Там, снаружи — Их глаза. В круглой нише, внутри ледяной Вселенной ползают по изогнутой стенке те, кто называет себя людьми. (И воображают, что они не внутри шара, а на поверхности — «на планете».) Снаружи — Они. Глаза льда. Нет, огненные Глаза! Я, только я вижу Их. О, не легко было выманить Их из тысячелетней